Питомцы Орловской Духовной Семинаріи.

(Продолженіе. См. №№ 24, 25, 26—27, 28, 29, 30—31, 32 и 33).

Митр. ФИЛАРЕТЪ.

Филаретъ, въ мірѣ Өедоръ Егоровичъ Амфитеатровъ, сынъ священника села Высокаго*), Кромскаго уѣзда,—о. Георгія.

У о. Георгія было пять сыновей. Всѣ они были добрые, послушные и даровитые. Но между ними вы-

*) Это село, кромѣ митрополита, дало еще нашей роднѣ двухъ замѣчательныхъ людей—брата Ө. Е., впослѣдствіи извѣстнаго въ свое время поэта и знаменитаго профессора церковной словесности Я. К. Амфитеатрова. Родитель митрополита, о. Георгій, принялъ на свое мѣсто къ дочери Аннѣ Егоровнѣ, зятя о. Косму. Это были отецъ и мать Якова Космича Амфитеатрова.

дѣлялся Өедоръ, котораго отецъ больше всѣхъ любилъ. И было за что любить! Онъ былъ смирный, незлобивый и скромный; любимымъ его занятіемъ было читать и пѣть въ церкви на клиросѣ, подавать въ алтарѣ кадило, носить подсвѣчники, звонить на колокольнѣ. Когда пріѣдутъ, бывало, всѣ братья изъ семинаріи на вакацію, Өедоръ не пропуститъ ни одной утрени и обѣдни. О. Георгій занимался пчеловодствомъ. Өедоръ слѣдилъ за пчелами и въ то же время читалъ „житія святыхъ"— четьи-минеи. Такъ онъ любилъ это чтеніе, что забывалъ и про обѣдъ. Иногда отецъ посидитъ за столомъ, подождетъ его и пойдетъ посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ. Ищетъ его на дворѣ, въ саду, на огородѣ—нѣтъ его. Взойдетъ на повѣть—на соломенную крышу сарая—и смотритъ оттуда внизъ. А Өедоръ въ конопляхъ стоитъ и молится Богу. Съ малолѣтства онъ имѣлъ какое-то внутреннее влеченіе къ жизни монашеской. О. Георгій опредѣлилъ дѣтей своихъ въ орловское духовное училищѣ*) нанялъ для нихъ квартиру въ слободкѣ, близъ монастыря,—и Өедоръ почти каждый день ходилъ въ монастырь къ вечерни и любилъ читать на повечеріи канонъ Божіей Матери. Однажды какъ-то пришелъ онъ отъ вечерни на квартиру, легъ на палати и говоритъ товарищамъ: „что мы, братцы, живемъ на свѣтѣ въ такой суетѣ житейской! То ли дѣло удалиться въ пустыню! Уйду я въ какую нибудь далекую, далекую пустыню: вотъ говорятъ, есть у насъ какая-то Бѣлобережская, или Площанская пустынь; поселюся тамъ и посвящу себя на молитву Господу". Говорилъ онъ объ этомъ такъ рѣшительно и съ такимъ чувствомъ, что братъ

*) Духовное училище тогда находилось при Успенскомъ мужскомъ монастырѣ. Оно было открыто здѣсь одновременно съ преобразованіемъ Орловской духовной семинаріи, въ 1817 г.

его. Василій, обратилъ на его слова вниманіе и сталъ думать, какъ бы, и въ самомъ дѣлѣ. не вздумалъ онъ бѣжать въ пустынь. Такъ и случилось. Пошелъ Өедоръ къ вечерни, хотѣлъ тотчасъ же придти по обыкновенію, домой и не пришелъ. Василій испугался; побѣжалъ въ монастырь: вечерня давно кончилась (это было лѣтомъ), а брата не было ни въ церкви, ни въ монастырѣ; спрашивалъ у проходящихъ, не видалъ ли кто брата, и, по разсказамъ, догналъ его на дорогѣ... Когда Өедоръ кончилъ курсъ семинарскаго ученія и пріѣхалъ къ отцу домой, отецъ хотѣлъ женить его и ѣздилъ съ нимъ свататься; но куда они ни пріѣзжали, все не удавалось имъ сватовство. То Өедору не нравится невѣста, то—отцу, и сватовство кончилось ничѣмъ. Өедоръ ушелъ въ монастырь. Скоро сдѣлался калужскимъ архіереемъ, и о. Георгій отправился къ сыну—архіерею. Вотъ что разсказывалъ онъ о своемъ путешествіи въ Калугу: „Собрался я послѣ яроваго посѣва; запрягли мнѣ пару въ простую телѣжку; взялъ я съ собой мальчика деревенскаго и поѣхалъ. Дорогой, конечно, самъ и запрягалъ лошадей, самъ подмазывалъ телѣгу: мальчикъ-то былъ малъ. Въѣзжаю я въ Калугу, взялъ возжи и правлю лошадей. Это было часу въ первомъ по-полудни. Погода была прекрасная. Должно быть, какой нибудь тогда былъ праздникъ: идетъ народъ изъ церкви, и я разспрашиваю у проходящихъ, гдѣ архіерейскій домъ. Вдругъ слышу позади меня кричитъ фарейторъ: правѣй съ дороги!—Я тотчасъ поворотилъ въ сторону, и мимо меня проѣхала карета четверней въ разтяжку, съ фарейторомъ. Не успѣлъ я опять повернуть моихъ лошадей на дорогу, какъ вижу, карета остановилась впереди; отворяютъ двери, и изъ нея выходитъ архіерей. Я не зналъ, что и дѣлать; такъ испугался чего-то, что

бросилъ возжи изъ рукъ, схватилъ съ себя шляпу и сталъ на вытяжку въ своемъ изношенномъ и запачканномъ подрясникѣ. А это былъ мой сынокъ, что я называлъ Θеденькой. Онъ увидѣлъ меня изъ кареты, тотчасъ же велѣлъ кучеру остановиться и вышелъ ко мнѣ. Народъ. проходившій по улицѣ, увидѣлъ, что архіерей среди города зачѣмъ-то вышелъ изъ кареты, сбѣжался посмотрѣть, зачѣмъ онъ вышелъ... А онъ, мой драгоцѣнный, обнялъ меня, запачканнаго и запыленнаго, и крѣпко сталъ цѣловать; мало этого—схватилъ было мою руку и хотѣлъ поцѣловать ее. Но я вырвалъ у него свою руку и, бросивъ шляпу на землю, протянулъ къ нему обѣ руки свои и говорю: благослови, преосвященнѣйшій владыко!—Онъ благословилъ меня. и когда я сталъ цѣловать его руку, онъ и самъ ухватилъ мою и поцѣловалъ ее. Слезы полились у меня градомъ. Такое смиреніе! Такая любовь сыновняя! Потомъ онъ взялъ меня подъ руку, и ведетъ къ своей каретѣ. чтобы посадить въ нее. А я упираюсь и говорю: владыка! что ты? Мнѣ-ли, деревенщинѣ, съ тобой въ карету! Я поѣду на своей тележкѣ.—„Нѣтъ, нѣтъ!—говоритъ, ни за что не сяду теперь одинъ“—Такъ-таки силой посадилъ меня съ собой; приказалъ мальчику ѣхать за нами, и мы отправились въ архіерейскій домъ. Повѣрите ли, я ничего не могъ ѣсть въ тотъ день. Онъ меня подчуетъ и тѣмъ, и другимъ, а я рта но раскрою, чтобы проглотить кусокъ; такъ былъ радъ и такъ смущенъ, что усердный сынокъ мой безпрестанно спрашивалъ меня: „да чѣмъ же мнѣ, батюшка, васъ подчевать! да чѣмъ же мнѣ угостить васъ?—О, Боже! какое счастіе имѣть такого сына! Прожилъ я у него въ архіерейскихъ покояхъ два мѣсяца, и времени не видалъ—словно въ раю пожилъ. Мнѣ кажется, ни одна мать не лелѣетъ

такъ единственнаго своего сына, какъ онъ заботился о мнѣ. Бывало пріѣдутъ къ нему важные гости—князья и графы: я уйду въ свою комнату, чтобѣ скрыться отъ нихъ; а онъ, какъ будто, занятъ однимъ мною, начнетъ всякому разсказывать: „а ко мнѣ мой родитель пріѣхалъ; ужъ какъ я радъ ему"! Пойдетъ и приведетъ, бывало, меня къ нимъ; да еще станетъ при нихъ благодарить меня за воспитаніе. А я скажу ему: какое-жь мое воспитаніе, владыка? Не я, грѣшный простакъ, а Господь Милосердый воспиталъ тебя и теперь призвалъ на высочайшую степень архіерейства"... Черезъ два потомъ мѣсяца моего блаженнаго житія въ Калугѣ, сталъ я проситься у преосвященнаго, чтобы онъ отпустилъ меня домой. Ему очень не хотѣлось разстаться со мной, да и мнѣ самому хотѣлось бы еще пожить у него; но вѣдь мы—люди деревенскіе; настало жнитво; проходитъ лѣто; надо подумать о домѣ и о домашнихъ. И такъ, со слезами распростился я съ нимъ и уѣхалъ"...

Разъ Филаретъ, уже митрополитъ кіевскій, проѣздомъ изъ Петербурга въ Кіевъ, заѣхалъ въ Орелъ*). По звону колокола, въ новый, только что освященный**), соборъ собралось много народа. Митрополитъ вошелъ въ храмъ съ преосвященнымъ Евлампіемъ, приложился ко святому кресту и мѣстнымъ иконамъ, окропилъ святою водою предстоящихъ, взошелъ на амвонъ и сталъ говорить народу такимъ простымъ и искреннимъ языкомъ, что всѣ присутствующіе пришли въ восхищеніе.

—„Ну, здравствуйте", говорилъ высокопреосвящен-

---

*) При архіереѣ Евлампіѣ, управлявшемъ Орловской епархіей съ 1840 г. по 22 ноября 1844 года.

**) Петропавловскій соборъ былъ освященъ 6 декабря 1841 года, а митрополитъ Филаретъ служилъ въ немъ въ 1842 г. лѣтомъ.

ный многочисленнымъ слушателямъ. „православные! Богъ да благословитъ всѣхъ васъ! Живите съ миромъ о Господѣ! Я самъ жилъ здѣсь и учился въ вашемъ городѣ, когда былъ мальчикомъ. Вотъ здѣсь, въ монастырской слободѣ, я и квартировалъ у добраго моего хозяина—Селихова. Не знаю: живъ ли онъ теперь и живы ли его дѣтки?"

И вдругъ, къ великому удивленію присутствующихъ, изъ толпы народа выходитъ сѣдой старичекъ и кланяется высокопреосвященному въ ноги.—„Живъ", сказалъ онъ, „владыка святый! Живъ я, твой бывшій хозяинъ; живы и дѣтки мои, которыхъ ты знаешь... Теперь я монастырскій крестьянинъ: не то, что прежде былъ, при тебѣ, преосвященный; живу я, слава Тебѣ, Господи! И той избушки, въ которой жилъ ты съ братцами, у меня нѣтъ ужъ теперь: у меня хорошій теперь домикъ, и всего въ домѣ—слава Тебѣ, Господи!"

—„Хорошо, сказалъ митрополитъ крестьянину Селихову, благословивши его,—я пріѣду къ тебѣ въ гости, дожидай меня". Благословилъ всѣхъ до единаго въ храмѣ Божіемъ и вечеромъ въ тотъ же день, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Евлампіемъ, былъ у своего хозяина въ гостяхъ. Высокопреосвященный все вспоминалъ, какъ жилъ онъ у крестьянина маленькимъ мальчикомъ, какъ крестьянинъ любилъ его.

— А помнишь-ли—спрашивалъ митрополитъ—какъ мы съ тобой ѣздили въ поле за снопами?

— Какъ, говоритъ крестьянинъ—не помнить, преосвященный владыка! Помню; какой бывало ты охотникъ пѣть: сидишь на возу и все поешь духовные псалмы; ужъ какъ я за это любилъ тебя!

— А помнишь ли, какъ я было ушелъ отъ васъ въ пустыню.

— Какъ не помнить, преосвященный владыко! Спасибо, братецъ то твой, Василій, нагналъ тебя, да воротилъ домой".

Изъ Орла митрополитъ заѣхалъ на свою родину, въ село Высокое, на могилу своихъ родителей, угощалъ нищихъ. Сестра митрополита, Анна Егоровна, разсказывала послѣ своимъ знакомымъ, какъ она принимала и угощала его у себя въ домѣ.

— Не знала я, гдѣ посадить его. чѣмъ подчивать: ничего не кушаетъ и ничего не хочетъ братецъ! А только обошелъ всѣ закоулочки въ домѣ, гдѣ онъ родился; побывалъ и посидѣлъ въ своемъ пчельникѣ, походилъ по садику и потомъ по березовой рощицѣ, гдѣ игралъ маленькимъ ребенкомъ. А вечеромъ, когда пришло время ложиться спать, я внесла, было, въ его горницу большой свой пуховикъ и положила его на полъ. Какъ онъ вскрикнетъ на меня: „что это ты вздумала, сестрица! Да я не умѣю спать на пуховикѣ: я пойду подъ сарай на сѣно, какъ и въ старину спалъ съ братьями".—И! что ты говоришь, братецъ! подъ сарай? Да развѣ я допущу тебя до этого? Сохрани, Господи! Мнѣ тогда и на свѣтѣ нельзя показаться. Вотъ, скажутъ, сестра: брата своего. митрополита, подъ сарай отправила спать!

— „Ну, когда такъ—говоритъ онъ—то постели хоть соломы на полъ, а пуховикъ то свой тащи вонъ!" Нечего было дѣлать: постлала соломы. Но только онъ цѣлую ночь не спалъ: то молится Богу, то писалъ что-то; должно быть, проповѣдь писалъ ва свой пріѣздъ въ Кіевъ.